

В гостях у программы «Дифирамб» на радиостанции «ЭХО Москвы» Вера Васильева, актриса Театра Сатиры. Народная артистка Советского Союза.

- Здравствуйте, Вера Кузьминична.

- Здравствуйте.

- Я, когда анонсировала нашу с вами встречу, я слегка оговорилась, у меня прорвалось подсознание. Я сказала, что у нас сегодня в гостях Верочка Васильева. И потом я объяснила нашим слушателям, что здесь нет никакой фамильярности, потому что все так зовут Веру Кузьминичну всю жизнь. По-моему, не только за глаза, но и в глаза тоже.

- Частенько.

- Когда к вам прицепилось это уменьшительно-ласкательное Верочка?

- Знаете, вообще, да, так всю жизнь сопровождает меня что-то очень ласковое. Надо сказать, что вообще в театрах это принято, ну может быть, не обязательно ласково, но по имени. У нас допустим, Токарская ей было за 90 чуть-чуть. Но Ширвиндт ее называл Валька. Мы тоже: Валик-Токарик, у нас немножко такая привычка. Проходят годы, мы не замечаем, что мы становимся очень солидными. Вернее не становимся и поэтому привычка всех называть по имени как будто еще девчоночки. Все-таки не просто Верка, а Верочка.

- В том-то и дело. Мне кажется, что в этом имени как вас называют ваши коллеги и партнеры, даже люди незнакомые говорят, когда вас видят по телевидению: вот Верочка Васильева.

- Как приятно.

- Так привыкли. В этом есть и образ ваш, он как-то отражается в этом имени.

- Во всяком случае, мне это приятно.

- Хочу напомнить нашим слушателям, что Вера Кузьминична не так давно отметила свой юбилей. И как нормальный человек не скрывает своего возраста, тем более что Театр Сатиры такой театр долгожителей в профессии, прежде всего, поскольку и Ольга Аросева совсем недавно отметила свой юбилей и вот Вера Васильева. И можно назвать еще несколько звездных имен. Я помню, у вас был замечательный совершенно актер Тусузов. Просто поразительно и человек, который сохранял чувство юмора, ему уже, по-моему, за 90 было.

- Да, очень был старый. Но хоть одну фразу, но говорил на сцене. И это было всегда прекрасно.

- Все прекрасно помнят и знают особенно, в юбилейные дни нам напоминали с помощью телевидения, вы принимали участие во многих программах и спасибо большое за это телевидению, хоть за что-то спасибо сказать можно. Вспоминали, конечно же, и "Сказание о земле сибирской". Но при этом мне кажется, что недостаточное внимание уделили вашей театральной жизни. А ведь извините меня, сколько лет, с какого, 1948?

- Да, с 1948 года. Почти скоро 60 лет я работаю в театре Сатиры. И конечно, когда со мной разговаривают и всегда только называют два образа Настенька из "Сказания о земле сибирской" и Ольга из "Свадьбы с приданым", я всегда говорю, но ведь я же еще очень много сыграла в театре. Но это же публика России не видит. Это же все-таки театр. Поэтому мне даже всегда хочется рассказать о том, что, то, что было я этому благодарна, но жизнь идет. И я, конечно, люблю и много вкладываю души в ту работу, которая происходит или происходила последние годы.

- Если вспомнить все-таки начало. Первую вашу роль вы помните?

- Да, конечно. Ну, как можно это забыть. Меня ведь пригласили, я оканчивала только училище после "Сказания о земле сибирской", и меня пригласили в театр Сатиры сразу на главную роль Лизочки в спектакле "Лев Гурыч Синичкин". И моего отца играл великий наш комик Владимир Яковлевич Хенкин. Вообще состав был изумительный совершенно. Князя Ветринского играл Георгий Павлович Менглет, Надежда Ивановна Слонова – Сурмилову. И я уж не буду перечислять. И тот же Тусузов был тоже суфлером, по-моему. Он играл в этом спектакле. Это же спектакль о театре. Роль мне тогда очень подходила, потому что это девушка молоденькая, мечтающая о сцене...

- А вы пели?

- Я пела. И боялась, что вообще у меня ничего не получится. Но голос у меня был чистый и, в общем, в какой-то степени я была музыкальна. Но конечно я очень так дрожала, но когда я стала говорить, что может быть, не мне петь, я не справляюсь, то мне все сказали наши участники: очень хорошо, вы же играете молоденькую актрису, которая еще даже в себя не верит. Она еще только мечтает, поэтому тот дрожемент, который во мне был, он ложился на эту роль. Вообще встретили меня в театре удивительно ласково. Я даже сейчас думаю, у нас многие актрисы появляются, молодые актеры, и мы их как бы принимаем, ну появился новый человек и все. Если хорошо сыграл, в лучшем случае подходят и говорят: умница, хорошо. Но вот так, чтобы такой ласки как я испытала, так ко мне относились, просто я поражена, конечно. Я вспоминаю, меня называли и душенька, и деточка наша. Ну, как-то, вот именно как цыпленка опекали. И радовались, если что-то выходит. И подбадривали, если не очень получалось. Очень была добрая атмосфера.

- Все-таки Театр Сатиры он конечно разные времена переживал за всю свою историю. Поскольку вы там столько лет работаете, и вы тоже эти разные периоды переживали. Вот на ваш взгляд самый звездный период жизни Театра Сатиры?

- Конечно, самый звездный с приходом Валентина Николаевича Плучека. Плюс с появлением Андрея Миронова. Конечно, и до Андрея у него были очень интересные спектакли. И Маяковский, который прозвучал на сцене.

- Липко был тогда ведущим актером.

- Липко всегда был хорош. Но он какое-то время был немножко поначалу, когда я начинала, отодвинут такими актерами как Польша, Хенкин, естественно, Курихин. Они занимали более ведущее положение. А Липко часто играл эпизоды, но настолько блистательно, что, в общем, он уже звучал мощно. А вот когда пришел Валентин Николаевич, и началась новая драматургия, причем я не могу сказать, что лично для меня этот период был таким особенно удачным. Потому что, по-моему, Плучеку был противопоказан такой спектакль как "Свадьба с приданым", а он в то время царил, мы же сыграли 900 раз этот спектакль. И играли каждый раз аншлаги, безумный успех. Так вот, какое-то было ощущение, что Валентин Николаевич, это очень часто, когда приходит другой художественный руководитель, он как бы приносит свое веяние театра, и то, что ему не нравится, это уходит в тень. Так вот происходило и с нашим спектаклем. Не то что его куда-то убрали, мы доиграли 900 раз, это само о себе говорит. Но моя судьба она немножко как бы была отодвинута к другим режиссерам. Это были, допустим, Олег Павлович Солюс, он не режиссер, а актер. Что-то поставит или Надежда Ивановна Слонова тоже что-то поставит. Но не главная дорога театра, а немножко на обочине. Поэтому у меня первое ощущение было, что я не нужна этому театру.

- Это очень горько переживается.

- Да, конечно это было и грустно, но, в общем, я понимала, что не ложусь я как бы в этот взгляд на театр. И по правде говоря, я Маяковского как драматурга тоже не чувствовала. Поэтому эта такая плакатная публичность, такой трибун что ли, понимаете, мне было не близко. Поэтому то, что я доигрывала вот эти скромные роли, которые мне перепали с другими режиссерами или актерами, они давали мне скромный материал. И я считала, вероятно, это справедливым, раз так повернулась судьба. Но потом Валентин Николаевич занял, причем он меня и вначале даже занял в одной из своих работ "Пролитая чаша". Пьеса китайская Ван Ши-фу и я играла китайскую Джульетту. Мне очень нравилась моя роль. Но спектакль не нравился публике, потому что это была китайская драма. А в наш театр любили ходить все-таки...

- За своим.

- Типично нашего сатирического направления. Потом когда он поставил "Дамоклов меч" Назыма Хикмета, где прогремела Зоя Зелинская в главной роли. И она была прекрасна в

ней. И Толя Папанов грандиозно сыграл боксера. Он тоже раскрылся совершенно по-другому. Он мне там дал тоже роль, в которой чуть-чуть нащупывалась какая-то новая манера игры. Такая сдержанная кинематографическая. И вроде как он ко мне немножко проникся большей симпатией. Вообще я не могу сказать, что он плохо относился ко мне. Но просто, наверное...

- Не мог найти применение.

- Наверное, я не была актрисой его мечты, его понимания – вот так я бы сказала. И то две роли, которые я потом с ним сыграла "Женитьба Фигаро" Розина и Анна Андреевна в "Ревизоре" это все-таки роли очень для меня значительные и давшие мне огромное счастье. И, в общем, это был и какой-то шаг вперед.

- До сих пор остается, это золотой фонд.

- Даже я когда смотрю, я не стесняюсь этих работ. А наоборот, радуюсь, что они у меня были. Так что расцвет был, конечно, при Плучеке, плюс, когда появился Андрей Миронов, в которого он был безумно влюблен как режиссер.

- Скажите мне, пожалуйста, я ошибаюсь, или, по-моему, это соответствует действительности. То, что вы играли в том легендарном спектакле Марка Захарова "Доходное место", расскажите немножко об этом спектакле.

- Вы знаете, сначала мы были очень удивлены, что Островский в нашем театре. И я помню, Татьяна Ивановна Пельтцер даже уже идет анекдотическое воспоминание, при первой читке Марк Захаров говорил свои какие-то понимания этой пьесы и то, как он это будет ставить, и Татьяна Ивановна сказала: вот удивительно, как только у человека нет никакого таланта, он лезет в режиссуру. Это она сказала. Но у нее был очень острый язычок. И тогда она еще не очень понимала, что. Потом она безумно его полюбила, конечно.

- И стала его любимой актрисой. Кстати, по-моему, единственная актриса Театра

Сатиры, которая потом перешла в театр Ленинского Комсомола.

- Да, бросила театр ради того, чтобы работать с ним. Вы знаете, я до сих пор, конечно, вспоминаю и работу, он настолько точно сразу чувствовал, как он будет ставить Островского. Он не растекался и не нащупывал, а наоборот, снимал с нас налет привычного исполнения Островского с какой-то бытовщиной. Он просто сразу брал сильно характеры, и кое-что сократив, а кое-что повторяя по несколько раз, иногда он фразы, которые были у Островского, он по несколько раз повторял только в разных вариантах. Естественно, я конечно, даже свою роль, если бы мне какая-то молодая актриса сказала: ну скажите, а как надо сыграть эту роль в точности как вы играли. И я, конечно, вспоминаю, даже ведь и декорации у нас были особенные. Сначала это была анфилада комнат и вертящийся круг. И начинался спектакль, я тут не могу не сказать об одежде, она для меня всегда имеет большое значение. На мне был такой прозрачный пеньюар, безумно тоненькая ночная рубашечка. Я тогда была еще потоньше и лучше кажется, была. И вот я неслась по этой сцене, открывая все эти двери, и за мной как машина злая-презлая и холодная шел Георгий Павлович Менглет, мой муж Вышневецкий и говорил: не для вас я купил имение, не для вас я продал вот это. Не для вас я делал вот это. И все это делается ради вас. А я бежала, все бежала, от него. Открывала. Потом прижалась в стенку, бежать от него было некуда. И он срывал с меня этот пеньюар, вставал на колени, потому что это же муж, который купил молодую женщину, которая его не любит и которую он готов и упреками и тем, как он много для нее сделал, что он кинул к ее ногам все. Понимаете, как по-другому сразу начинается спектакль. Это не просто занудный разговор за столом за чашкой чая, когда он мог бы говорить своей жене: не для тебя ли я то-то сделал, то-то сделал, а это именно какая-то страсть ее вырваться из этой клетки, а его - все равно поработить путем своего богатства и так далее. Вот уже даже заявка вся она говорит о страсти, которая не была покрыта и закрыта бытом. Я конечно, уже не могу не сказать о том, как потрясающе играл Андрей. Он играл так человечно. Я видела этот спектакль в Малом театре, но это же было очень давно. Поэтому я сейчас даже не помню, а, по-моему, Анненков играл Жадова. И он играл как героя. А Андрюша был безумно близкий, безумно простой человек, который совершает как бы сказать, сгибает голову перед обстоятельствами, понимая, что это ужасно. Но выхода нет, потому что нет денег. Потому что запилила мать жены, которую он так безумно любит. Денег и выхода никакого нет. Вероятно, надо просить это место. И вот это он говорит: я могу оступиться, но не упасть. Он как-то обращается к зрителям, как будто хотел сказать: господи, как же мне не хочется жить по этим волчьим законам, но я не знаю, что делать. И он не был выше людей. Он был совестливый. Он был такой же, как все в зале, не герой. Но и в то же время герой. Потому что по нашим временам даже человек, который просто осознает, что он делает плохо, это по теперешним-то временам, наверное, показался бы уже героем.

- Что-то героическое в этом есть.

- Да, хотя бы то, что он это видит.

- **Что стыд сохранился.**

- Что ему стыдно, что так ужасно. Но это жизнь заставляла и любовь к этой девочке, которую играла Наташа Защипина.

- **Вот просто послушайте. Для нас Вера Кузьминична Васильева сейчас просто сыграла целиком спектакль "Доходное место" в постановке Марка Захарова. У вас была уникальная возможность, вы увидели, как это было. Вера Кузьминична, чего испугались власти тогда? Что они там такое увидели?**

- Вот они увидели безнадежность существования человека в честном, как бы сказать, предаваясь тем идеалам, то есть даже просто соблюдая честность и порядочность человеческую. А Татьяна Ивановна, когда говорила: да кто же теперь на жалование-то живет, - буря аплодисментов раздавалась. Потому что опять-таки взятки, какие-то тайные подачки, то есть все то, что мы знаем по жизни, чего там рассказывать. И все это чувствовалось, что это переполняет со сцены ненавистью к тому, что так жить нельзя. Вот когда-то я помню, вышла картина Говорухина, по-моему, "Так жить нельзя", вот это же картина тоже была напоена болью и ненавистью к тому, что так жить нельзя. И вот этот спектакль при том, что он был очень художественный, но он еще кричал всем своим сердцем. Когда Толя Папанов играл как зверя, звериного человека, когда Менглет был такой чиновник, в которого не пробьешься никакой правдой. Понимаете. И в это время обыкновенный человек, который хочет жить как человек, и жизнь ему этого не дает. Теща, у которой были только понятия хватать деньги, продать своих девочек как можно лучше. По-своему она понимала их счастье, но это же все добивало хорошего человека. И поэтому зал настолько чувствовал вот эту подспудную страсть, вот иногда я думаю, почему сейчас нет потрясающих спектаклей, мне иногда кажется. Ведь недаром тогда и Таганка была такой знаменитой. Потому что в душах людей через театр шли эти нити страсти, недовольства той жизнью, которая была у нас. Она может быть даже материально была не до такой степени страшна, но вот это сознание, что не можешь сказать то, что чувствуешь, лицемерие, оно давало те силы людям, художникам кричать об этом со сцены через искусство. И тогда спектакли становились потрясением. А сейчас я потрясений не вижу.

- Спектакли становились событиями не только культурным...

- А именно духа и какого-то гражданского осознания.

- Скажите мне, пожалуйста, все-таки вы чувствовали, знали, говорили про это, когда репетировали, что это не пройдет, что это закроют.

- Вы знаете, насчет не пройдет, не говорили вслух. Но все-таки какие-то, когда Марк Захаров хотел, чтобы мы что-то поняли, то он переводил на теперешнюю жизнь и говорил: вот если вот так с вами поступят, ну что вы будете чувствовать. А это были всегда примеры из того, что есть.

- Из жизни.

- И поэтому это трогало сердце и возмущало наш разум. И тогда роли наполнялись тем гражданским чувством, которое очень важно. Мне опять кажется, что Андрей, почему был так велик на сцене, потому что он был как, он не был как бы сказать активным политическим деятелем в жизни совершенно. Он занимался театром. Но он чувствовал жизнь. Как он тонкий художник и как гражданин протестовал против многого. И поэтому и Чацкого он играл очень интересно. И Жадова он играл прекрасно. Он, допустим, мог бы увлечься какой-то декламацией, излишним пафосом трагизма, как это было, допустим, в Малом театре у Анненкова. Но он этого не делал. Потому что он хотел, чтобы через простого человека, какие есть миллионы у нас, вот через простого человека сказать, как это жутко, когда жизнь так построена, что кроме как нечестно, кроме как, потеряв достоинство, не выживешь. И это было очень близко, потому что он не становился на котурны. А он вращался в зрителях, а они в него. Это было замечательно.

- Собственно, вы ответили на вопрос, который я хотела вам задать: чего не хватает сегодняшнему театру. Наверное, вот этой внутренней какой-то страстности.

- Да, мне кажется, да. Мне кажется, что все-таки иногда понимаете, режиссеры или театр ставит задачу одну – во что бы то ни стало иметь успех. Но это не может быть

задачей. Понимаете. Успех может придти, если есть задача художественная. Или человеческая гражданская. Через художественность. Тогда и придет успех. Потому что придут те понимающие люди, которые возгорятся от этого чувства. А когда просто я развлеку вот этим, я подбавлю немножко секса, музычки, умения танцевать, умение двигаться, и вот это огромное количество приспособлений, чтобы понравиться, оно не дает тех результатов. Понравиться можно через большую душу и большую совесть и большое понимание тех болей, которые есть сейчас в жизни.

- На пейджере много разных вопросов. Какие-то вопросы я не буду задавать, поскольку вы на них много раз отвечали в разных других программах. Но вот вопрос, который бы мне хотелось вам задать. От Юлии москвички. "Расскажите немного о ваших отношениях с вашими родителями. Сказывалось ли что-либо на вашей театральной деятельности?" И еще один наш слушатель уверен, что у вас такой аристократический род. По-моему как раз нет, самый, что ни на есть простой рабочий род. Вот видите, какое вы производите впечатление.

- Удивительно конечно. Вы знаете, у меня были хорошие родители. Я их очень люблю. Но может быть, кому-то покажется странным, мне кажется, они мною совершенно не занимались. И может быть это тоже хорошо. Потому что когда я была очень маленькой, я лет в 6-7 попала в театр, и мечтала быть артисткой сразу. Как только я это увидела чудо. Наверное, этот контраст моей безумно скромной жизни с родителями, одна комната, печное отопление, в Москве я родилась. Шесть человек в этой комнате, да еще из деревни, где родился папа, приезжали знакомые, которые учились в Москве. И на сундуке у нас жили. Человека 2-3 у нас получили образование в Москве, живя на этом сундуке. Так что, эта разница театра, невероятной красоты музыки, бархата, который я увидела, будучи маленькой, я для себя решила, что я буду только артисткой. Или буду работать в театре, если у меня не будет способностей. Кем угодно. И это было моей путеводной звездой. Сразу же я, как только научилась читать, я стала читать про театр. Я пошла в дом пионеров хор, кружок и пела. Потом в драмкружок. То есть меня воспитывала как ни странно...

- Мечта.

- Да, мечта. И она настолько действенна была, что я очень много читала в детстве. Много проводила времени в Бахрушинском музее. С невероятной нежностью перебирала все какие-то детали костюмов, которые сохранялись от старого театра. Читала журналы, потом однажды сказала Хенкину, какие-то фамилии, он сказал: как, откуда вы можете это знать, это было до революции. Я говорю: я это читала и

запомнила. Мне было все интересно, что есть театр. А вместе с этим были и конечно пьесы. И те роли, которые играли великие артистки. До сих пор у меня сохранился огромный альбом, он весь уже поломанный с Комиссаржевской. И я его из любой квартиры, любых обстоятельствах всегда везу, потому что это мое детство, моя мечта. И это для меня дорого. Родители мои были прекрасны хотя бы потому, что они жили очень скромно, добро, честно, и по взглядам папа был очень верующий человек. И он был такой, даже его в деревне, где он родился, звали - святой Кузьма. Потому что он был невероятно добрый. А мама была женщина добрая, но очень я бы сказала, натура более мятежная. Ей не нравилось тоже жизнь, которая есть, но она все время говорила, что я буду на инженера учиться, но детишки рождались, и не удавалось ей ни на кого учиться. Но она была такая, знаете, принявшая очень советскую действительность. Всегда говорила, что вот и хорошо, что всех раскулачили. И хорошо, что все из деревни уехали. Хотя все уехали и работали в подвалах дворниками, истопниками, вот вся наша родня. А папа был шофером. Они уехали из деревни, потому что стало там, наверное, невыносимо. Хотя об этом никто никогда в детстве не говорил. И у меня никогда не было ощущения, что что-то несправедливое происходило в жизни. Мне все казалось нормально, а главное я ни на что не обращала внимание. И родители мне не мешали ни в чем. Училась я хорошо, девочка была тихая, и они не очень знали мой мир.

- Они вообще признали в вас артистку-то?

- Вы знаете, они были очень не амбициозные. Допустим, я получила Сталинскую премию и говорю: мама, мне дали Сталинскую премию: ну хорошо, Верочка. Это хорошо.

- Они же понимали, что происходит. Они кино-то видели?

- Наверное. Но не придавали все-таки, понимаете, как-то так и только потом, когда уже мама была очень, очень старенькой, и очень больной, я уже была тоже достаточно солидная по возрасту, я приходила и чем-нибудь хвасталась. И вдруг я видела, что она расцветает. Допустим, я говорила: ты знаешь, мама, меня за эту роль хватили. – Хорошо, Верочка, это хорошо, вот так она больная уже была. Так что только в старости я заметила, что моя профессия имеет для нее какое-то значение.

- А братья и сестры как?

- Братья и сестры тоже я бы сказала, по-моему, в общем, они меня воспринимают больше просто сестра Верочка. И все. В театр нельзя сказать, что много ходят. Но так радуются, если я что-то новое сыграю, и если где-то меня похвалят. Но особого интереса у моих родных мое творчество не вызывало. Они немножко по-другому жили. Но они очень хорошо относятся ко мне. Просто как если бы я никто была. Вот так.

- То есть никто в искусство не пошел кроме вас.

- Нет, у меня моя племянница пошла и стала балеринкой. И она когда маленькая, я всегда ей рассказывала про театр. Я ее безумно люблю и сейчас люблю. И она меня любит, просто только у нее есть дочка маленькая. Она ее воспитывает, и нет времени особенно часто видеться.

- Еще на одном периоде вашей жизни наши слушатели просят подробнее остановиться. Это тот период, когда вы как столичная звезда работали в нескольких спектаклях в провинциальных театрах. Это были перестроечные годы?

- Чуть-чуть до перестройки.

- С чем это было связано? С тем, что вы говорили, что не было такой востребованности в собственном театре?

- Да. Вы знаете, дело в том, что вообще-то говоря, все-таки Театр Сатиры не очень мой. Я считаю, что моя жизнь сложилась хорошо, но по творчеству я бы, наверное, в драматическом театре мне кажется, была бы более на месте. Потому что даже когда я ищу какой-то репертуар, я понимаю, что все, что мне нравится, это не пойдет в нашем театре. Поэтому те некоторые роли, которые мне доставались, они мне подходили и за них я благодарна. Но настоящая моя мечта все-таки исполнилась в других театрах. И именно, пожалуй, в годы молчания. Что такое молчание. Я доигрывала какие-то свои старые спектакли, а новых ролей допустим, по 5-6 лет не было ни одной роли. Это для актера безумно тяжело. В это время я написала книжку "Продолжение души", где я излила все свое горе и все свои надежды, что что-то может быть появится. И в это время мне предложила Вера Андреевна Ефремова, чудесный режиссер Тверского театра драматического роль Раневской. Я приехала и мы там репетировали, я увидела

прекрасный спектакль, поставленный в лучших традициях МХАТа. Я бы так сказала, психологического театра. Очень одухотворенный, с чудесной музыкой, дивными декорациями, чудными костюмами и дивными актерами. Я любила всех своих партнеров. Я очень серьезно вошла в этот спектакль и играла, в течение 10 лет я приезжала в Тверь, отыгрывала 2-3 спектакля и уезжала. И иногда мы гастролировали с этим спектаклем. Везде с огромным успехом. В том числе мы были и в Болгарии, в ФРГ, в те времена это было ФРГ в Дюссельдорфе, где зрители плакали и приходили за кулисы и благодарили. А когда мы им перед началом сказали, что мы дадим наушники, то нам сказали: вы знаете, Чехова у нас так любят, что "Вишневый сад" не нуждается...

- Переводить не надо.

- Да, это было поразительно. И вообще я вдруг убедилась, иногда ведь я слышу от зрителя: как опять Чехова, да ну. А за границей к Чехову относятся с невероятным живым трепетным обожанием. Но именно не таким уважительно-скучным обожанием, а по живому. Это я просто чувствовала по этому спектаклю. Поэтому конечно, и своего Лопухина Александра Александровича Чуйкова я до сих пор люблю, и когда он приехал ко мне на мой юбилей, встал перед мной на колени как Лопухин и сказал: вы такая же прекрасная, даже еще лучше. Что-то такое про Париж опять вспомнил. Это все по роли. И как-то хотелось плакать, потому что, конечно, это были замечательные для меня годы, когда я ездила. Причем это совсем не похоже на то, что называется гастроль звезды. Это абсолютно на равных я выступала, получала такие же маленькие деньги, как и все актеры, так что это не было похоже на теперешнюю манеру ну что ли куда-то поехать, что-то заработать. Ничего общего с этим. Это было истинное служение.

- Я Раневскую представляю, как вы сыграли. И жалко, что, например, я не видела этого спектакля. Но меня другая роль совершенно поразила, которую вы играли в другом театре в Орле, по-моему, это Кручинина. Это же совсем другое.

- Вы знаете, я очень любила эту роль я предложила даже режиссеру сама. Он меня увидел в "Воительнице" и мы "Воительницу" потом играли там. И когда мы разговаривали, я ему говорила о том, что я поражена нашей теперешней жизнью. Тем, что на каждом шагу я слышу: отказываются от детей, или бросила ребенка в мусоропровод - вот эти вещи, которые я читала, у меня вспыхивает все мое сердце, и я готова сказать: как можно так дожить до такого момента, чтобы это могло рождаться в мозгах человеческих. Потому что Кручинина она 20 лет носится по свету, пытается замолить свою вину, потому что она вовремя не нашла могилу мальчика. Слава богу, он оказался жив. Но то, что я считала даже всегда говорила, что название "Без вины

виноватые" и Кручинину почти всегда играют как не виноватую, как обиженную. Я ее внутри себя безумно осуждала. И поэтому она у меня была как загнанная птица, которая не находит себе места. Ей чудится в каждом ребенке брошенном что-то такое. Поэтому когда я спрашивала про скандал, который произошел с Незнамовым, я говорю, а что это за юноша, его зовут, кажется, Григорий. - Да, Григорий. - А много ли ему лет? – 23. Не меньше? – Нет, никак не меньше. А что вас так взволновало. - Так, ничего. Просто совпадение. И понимаете, ей страшно становится, что она от каждого человека, каждого молодого человека, вдруг брошенного, она чувствует, а вдруг это мой сын, а вдруг это мой сын. И ей стыдно и страшно и дай бог, если вдруг он найдется. Поэтому в финале, когда я... у меня были замечательные два Гриши, которых я очень любила, и когда я прижимала к своему сердцу, во-первых, я вставала на колени перед своим сыном, именно с ощущением, чтобы только он простил меня. И когда я прижимала, и он плакал на моей груди, я испытывала оттого, что я, может быть, не имею своих детей, но я даже вспоминая, не могу не плакать. Потому что вот это ощущение своей вины, своего счастья, того, что ребенок на груди, и, по-моему, это всегда передавалось в зрительный зал. Потому что приходили заплаканные люди, и я всегда считала, что этот спектакль необходим в наше время, потому что мы не должны забывать самого естественного, что дано богом – любовь к своему ребенку.

- Удивительно, что совпадает это с Раневской. Вспомните, Гриша мальчик.

- Да, который утонул и из-за которого она вынуждена была, бежала, закрыв глаза, чтобы никогда не возвращаться, не вспоминать этого. Понимаете, поэтому для меня Кручинина была невероятно дорогой. Я ее очень любила. И тоже старалась ее играть очень человеческой простой, потому что я абсолютно уверена, что талантливые большие люди в жизни очень просты и очень, в общем, не броские. Это теперь манера поддерживать имидж звездный. Вот это мне кажется, совершенно противопоказано, во-первых, российскому актерству, которое было всю жизнь и уж конечно Кручининой, у которой совесть обнаженная. Поэтому я тоже 10 или 12 лет приезжала в Орел и с наслаждением с восторгом играла и безумно любила и благодарна режиссеру Голубицкому, что он мне дал эту возможность. У нас была замечательная музыка Шнитке к этому спектаклю. И всегда, когда я появлялась на этой сцене, то возникала вот эта скрипичная мелодия, которая как будто бы издалека с небес сходила на землю, и я появлялась и видела, мы начинали не с того, что я молоденькая девушка. А я уже приехала в этот город и только потом маленькие воспоминания о том, что произошло. Просто в воспоминаниях это. В общем, эти два спектакля меня убедили, что мои мечты о драматических ролях были не пустыми. Я реализовала это и даже я для самой себя так сказала: я могу умереть спокойно, потому что я исполнила свою мечту, которая в детстве была.

- Вера Кузьминична, давайте мы послушаем телефон. Для этого вам надо взять наушники. Пожалуйста. Алло.

СЛУШАТЕЛЬ – Добрый день. Константин из Щелково. Я хотел бы поблагодарить Веру Васильеву за...

- Константин, пропадаете вы, к сожалению. Но мы услышали главное: вы хотели поблагодарить Веру Кузьминичну, а вот за что...

- А за все.

- Давайте еще звонок. Алло.

СЛУШАТЕЛЬ – Здравствуйте. Меня зовут Неля. Я звоню из Москвы. Я хотела сказать не просто большое спасибо Вере Кузьминичне, вот сейчас она говорила и у меня тоже слезы навернулись на глаза. Понимаете, хотя, казалось бы, человек другого поколения, я значительно моложе. Но я приятно поражена вот этим уровнем интеллигентности, вот этим образом, складом мыслей. Я могу подписаться под каждым словом, которое говорит Вера Кузьминична. Я вот преклоняюсь перед такими людьми, для которых жизнь духа остается главным в жизни. Стоит на первом месте. И вот нет этой мелочной суеты, которой сейчас заполнена наша жизнь. Нет этой мишуры, от которой тошнит, когда смотришь телевизор, иногда слушаешь радио. Мой низкий поклон Вере Кузьминичне за ее интеллигентность, за ее талант и за ее умение донесли до людей мысли, которые очень важны, может быть в данный момент. Может быть, кто-то послушает эту передачу и поймет, что нужно жить так, как жила она. А не так как живет сейчас большое количество людей, в том числе людей, вращающихся в искусстве. И еще спасибо вам и "Эхо Москвы" за ту высокую планку, которую вы держите, за то великое дело, которое вы делаете.

- Спасибо вам большое.

- Спасибо.

- Еще звонок. Алло. Здравствуйте.

СЛУШАТЕЛЬ – Добрый день. Конечно, огромное спасибо за все ваши спектакли. Я присоединяюсь к женщине, которая только что говорила. Я хотел спросить. Ваше отношение, ну я не могу сказать, что Ширвиндт тоже много работает после Плучека. Но изменилось ли что-то в театре. И второй вопрос, очень хотелось бы, пока есть еще возможность, выпустили диски, кассеты со спектаклями.

- Театр Сатиры вы имеете в виду.

СЛУШАТЕЛЬ – Да.

- Знаете, на первый вопрос. Изменилось ли в нашем театре, к сожалению, наш театр еще испытал огромные потери. Представляете, умер Андрей Миронов, Толя Папанов, Спартак Мишулин, Георгий Павлович Менглет, Ткачук, Гузенко. То есть мы потеряли мужского состава роскошных дивных артистов огромное количество. Поэтому что ни попытка, допустим, думать о какой-то высокой драматургии, но об этом обязательно надо думать, наверное, все-таки вот эта невозможность быть на уровне того, что мы имели, диктует какие-то ограничения. Конечно, Валентина Николаевич Плучек был настоящим режиссером, лидером и занимал положение в Москве в ведущей пятерке, может быть больших режиссеров. А Александр Ширвиндт обаятельный артист...

- **Замечательный педагог.**

- Да. И все-таки это свалилось на его голову в неудачное для театра время. Именно с потерей больших артистов. Да и, пожалуй, в трудное время наше перестроечное, когда публика валом валит на пустыки, и немножко труднее на серьезное. Поэтому какие-то вещи у нас получались симпатично, а какие-то меня очень огорчают. Что симпатично было – мне кажется, первый спектакль "Андрюша", который поставил Ширвиндт в память об Андрее Миронове, был сделан с огромным сердцем, несмотря на то, что спектакль

шел весело, у всех людей, которые уходили, было так: и весело, и очень грустно. То есть доходило до сердца. Дальнейшие наши спектакли кое-что у нас было симпатично, кое-что нет, но допустим, такой спектакль как "Слишком женатый таксист" это сделанная комедия все-таки без пошлости, которая часто бывает, и очень мне кажется, доходчиво. У нас некоторые неудачи последнее время происходят, на мой взгляд. И может быть, это и в выборе репертуара, а может быть и в выборе артистов. Мне всегда кажется, что нужно обязательно брать знакомых артистов, чтобы не только молодежь, которую еще не знают, она очень талантлива, но обязательно смесь лучше. Когда есть и старшее поколение и молодое. Во всяком случае, нам бы хотелось ему помогать в этот очень трудный период и по нашим потерям и по тому времени, к сожалению, испорченные вкусы иногда диктуют. У нас есть спектакль "Ждать". Я вкладываю в это огромное количество сердца, у меня дивные партнеры. Но не могу сказать, что на это валом валит публика.

- Спектакль "Ждать" это спектакль, в котором вы с Олегом Вавиловым играете.

- Да, прекрасный актер.

- Замечательный спектакль. И как раз Вера Кузьминична совершенно меня удивила перед передачей, когда сказала, что как-то не очень ходит публика на этот спектакль.

- Да, я тоже печалюсь.

- Он такой настоящий.

- Да, там настоящие чувства, настоящие проблемы, которые могут быть перед любым человеком. Так что, вы знаете, мы переживаем не лучший период, но нам не хочется, как бы сказать, иметь негативное отношение между собой. Нам хочется в это время соединиться и найти выход.

- Пережить.

- Это не просто. Но я надеюсь.

- А что касается записей спектаклей, понятно, что есть. Сохранился спектакль "Женитьба Фигаро", но, по-моему, еще "Ревизор" я тоже видела спектакль, он продается на видеокассетах, его тоже можно купить. С тем самым звездным составом, в том числе с Верой Кузьминичной Васильевой.

- А вообще вы правы, мне кажется, что необходимо снимать те спектакли, которые могут представлять интерес, потому что Россия лишена возможности видеть друг друга...

- Гастролей сейчас нет как таковых.

- Да, они могут только иногда возникать по инициативе каких-то людей, которые привлекают спонсоров. Но это же не политика государства. Вообще эта политика меня поражает своим бездушием по отношению к культуре.

- Еще звонок. Алло.

СЛУШАТЕЛЬ - Добрый день. Я хотел пару слов сказать.

- Пожалуйста.

СЛУШАТЕЛЬ – Я очень тронут и вообще я жил в деревне, когда вышел фильм "Свадьба с приданым". И он для меня является, я даже не знаю. Вот она рассказывает, а я все время плачу. И предыдущая женщина вот все сказала, какая радость, когда есть такие люди. Вы знаете, мне так хотелось, чтобы она сейчас спела песню. Пусть бы это прогремело во всех..., какая она умница. И есть два фильма, почему-то Тихонова забыли. "Дело было в Пенькове" всегда ассоциации с

ним, и "Свадьба с приданым" с Верочкой Васильевой.

- Спасибо.

- Будете петь?

- Нет, насчет пения немножко трудновато. Я бы еще с аккомпанементом бы спела, может быть. А так трудно. Вы извините, мне не хочется портить о себе впечатление.

- Кстати, про песни. Вы участвовали в актерских капустниках?

- Нет, не очень.

- Не любите?

- Да понимаете, я не то, что не люблю. Я не мастер этого дела. Я люблю смотреть. А так я не обладаю вот этим умением чему-то подражать.

- Кстати, юбилейный вечер ваш показывали по телевидению. Я была поражена, сколько там было тепла и юмора в ваш адрес со стороны коллег. Они конечно постарались.

- Ой, Юрочка Васильев, который прелестный наш актер и режиссер. И то, с какой любовью я ему сказала: пусть это будет почти как семья. Их много зрителей 1200, но они должны чувствовать себя, что это не что-то помпезное, а что-то очень личное, родное. И он это сделал. Он очаровательный совершенно. Я с ним работаю как с режиссером и как с актером с огромной любовью.

- Ну что, к сожалению, время очень быстро пролетело. Вера Кузьминична, мы на этом должны уже завершать нашу встречу. Я вас благодарю и все слова, которые могла бы сказать я, уже сказала наша замечательная слушательница, которой большое спасибо тоже за искренность. Собственно говоря, во имя таких совпадений внутренних и такие встречи должны происходить в прямом эфире, для того чтобы друг друга почувствовать и услышать. Спасибо вам огромное. Я желаю вам конечно, здоровья, удачи и надеюсь, что мы в новых ролях вас увидим на сцене родного театра, надеюсь, что нас слышит Александр Анатольевич Ширвиндт.

- Спасибо большое. Всего доброго.